

Когда гость с собакой ушли, в просторной гостиной остались лишь мужчина и две морские свинки.

Шигуй вовсю резвился на диване, а Сяо Хуэй по-прежнему жался в углу под ножками. Хоть оба и были одного вида, характерами они отличались как небо и земля.

— Теперь эта чёрная овчарка — наш сосед, Сяо Шигуй, — как бы между прочим заметил Вэй Ци. — У тебя появился ещё один четвероногий приятель.

Сосед?

Значит, этот господин в очках заходил сегодня просто для того, чтобы познакомиться с новыми соседями.

Но бедному животному и впрямь досталось не на шутку. Интересно, перевяжет ли ему раны обожаемый хозяин, когда они вернутся домой? На истерзанную шею собаки больно было даже смотреть. Сам Шигуй с самого рождения не знал ни болезней, ни травм, а потому не мог даже вообразить, какую муку сейчас терпел его новый знакомый.

— Живут они совсем рядом, слева от наших ворот, — продолжал рассуждать вслух Вэй Ци, не глядя на питомца, словно разговаривал сам с собой. — Если мерить твоими короткими лапками, то бежать туда минут двадцать, от силы полчаса.

Сяо Хуэй приподнял голову и совсем тихо свистнул, издав характерный для морских свинок звук:

— Уи-уи-уи... Шигуй, может, навестим его? Мне так его жалко.

Шигуй свесился с края дивана, глядя на взъерошенного серого приятеля, и заговорщически отозвался:

— Уи-уи-уи... Сбежим потихоньку.

Сидевший на диване мужчина с головой ушел в чтение свежей газеты, хмурясь над сложными графиками финансовых новостей. Пересвист питомцев его, казалось, совершенно не отвлекал. Звуки раздавались то слева, то справа — один звонкий и наглый, другой робкий, едва слышный. Но как бы грызуны ни старались приглушить голоса, он без труда улавливал этот забавный диалог.

Шигуй, забавно поводя носом, пропищал:

— Уи-уи-уи... Сначала сделаем вид, что поднимаемся к себе на второй этаж отдохнуть, а потом

шмыгнем в эксклюзивную дверцу для морских свинок возле лифта.

Заметив, что хозяин не обращает на них никакого внимания, Сяо Хуэй согласно закружился на месте.

Заговорщики незамедлительно перешли к действию. Правда, Шигуй все еще сидел на диване и прыгать на пол не решался — слишком высоко, можно повредить хрупкие лапки.

Он вскарабкался на колени Вэй Ци, приподнялся на задних лапках и требовательно заверещал:

— Уип-уип-уип!

Так морские свинки обычно выпрашивают угощение.

— Проголодался? Иди на второй этаж, — отозвался Вэй Ци.

Он бережно подхватил зверька ладонью и опустил на мягкий ковер — плавно и надежно, словно на крошечном подъемнике. Шигуй благодарно пискнул, мимоходом и крайне небрежно ткнулся носом в пальцы хозяина, после чего решительно зашагал к лифту для морских свинок. Сяо Хуэй семенил следом.

Мужчина услышал характерный щелчок — это упитанное тельце прыгнуло на кнопку вызова. Следом послышался тихий гул поднимающейся кабины и мелодичный сигнал прибытия. Вэй Ци едва заметно улыбнулся.

В этот момент к нему бесшумно приблизился безупречно одетый личный помощник. Почтительно склонив голову, он доложил:

— Господин Вэй, наши люди на позициях. Мы обеспечим полную безопасность молодого господина Шигуя.

— Хорошо, — коротко кивнул тот.

Помощник аккуратно выложил на столик стопку документов и так же безмолвно растворился в глубине дома, словно его здесь и не было.

Тем временем на втором этаже створки лифта для морских свинок разъехались. Внутри, на игрушечных сиденьях, ремнями безопасности были заботливо и намертво пристегнуты два гляцевых зеленых перца.

— Ох, ну и уморился же я... — тяжело дыша, пожаловался Шигуй, цепляясь лапкой за прутья садовой ограды. — Слава богу, у меня со зрением все в порядке, иначе мы бы этот дом до ночи искали.

Сяо Хуэй выглядел еще плачевнее: его длинная серая шерсть свалялась, в ней застряли сухие листья и сор. В таком виде он удивительно напоминал бродячего зверька, который только что лазил по мусорным бакам.

Шигуй, впрочем, ушел недалеко, хотя его гладкая короткая шубка пострадала меньше. Обзор у морских свинок великолепный, почти круговой, но из-за крошечного роста мир предстает перед ними совсем иным. Любая кочка или пучок травы превращаются для них в непреодолимую стену.

— Кажется, пришли. Пахнет собакой, — прошептал Сяо Хуэй, опасливо прячась за спину товарища и пригнувшись.

Перебирая короткими лапками, два бесстрашных исследователя двинулись вперед.

Этот особняк, хоть и относился к элитному классу, уступал по размерам Поместью Вэй. Зато здешний сад мог похвастаться роскошным, ухоженным газоном.

Посреди лужайки, привязанная короткой цепью к бетонной колонне, сидела черная овчарка. Он беспомощно прижал некогда грозно стоявшие уши к черепу, а острые клыки скрыл за дрожащими губами. От бывшего величия Чёрного Пса не осталось и следа.

Он распластался по земле, тихо и жалобно скуля перед своим хозяином — тем самым интеллигентным мужчиной в тонких очках по имени Ван Шу.

— Шейка болит? — ласково спросил Ван Шу, наклоняясь к питомцу. За стеклами очков он смотрел с неподдельной тревогой и жалостью.

Собака тихо заскулила в ответ, словно жалуясь на мучительную боль и одновременно пытаясь успокоить человека: мол, ничего страшного, все хорошо.

Тяжелая серебристая цепь по-прежнему мертвой хваткой сжимала его шею. При малейшем движении металл терзал и без того истерзанную в кровь плоть. Звенья давно окрасились в грязно-розовый цвет.

— Представляю, как тебе больно, Уголёк, — мягко ворковал хозяин. — Передо мной не нужно притворяться сильным. Если хочешь выть — вой, хочешь злиться — злись. Разве я стану тебя ругать? Я ведь твой хозяин, твой единственный защитник.

У ног Ван Шу стоял раскрытый ветеринарный чемоданчик, под завязку набитый

медикаментами, бинтами и шприцами. Слишком идеальный, пугающе профессиональный набор для обычного владельца.

Овчарка поползла вперед, пытаясь дотянуться лбом до безвольно опущенной руки хозяина, и принялась преданно тереться о его ладонь, выпрашивая крупичу ласки.

— Эх ты, подлиза, — рассмеялся Ван Шу, качая головой. — Ну как пред тобой устоять? Сердце кровью обливается, когда ты так ластишься. Сейчас я обработаю тебе рану. Будет немножко больно, так что потерпи. Главное — не визжи так, будто тебя режут, а то соседи еще подумают, что я над тобой издеваюсь.

Он говорил с улыбкой, ласково и тепло, изображая безгранично любящего хозяина.

Собака покорно закивала, прикрыв глаза. Свирепая морда бойцовского пса сейчас казалась невероятно кроткой; он смиренно склонил свою гордую голову.

Со стороны эта сцена выглядела на редкость трогательно. Любящий хозяин, преданный пес, забота и грядущее исцеление — идеальный пример гармонии между человеком и животным.

Затаившись возле декоративного пруда, Шигуй и Сяо Хуэй внимательно наблюдали за происходящим.

— Похоже, этот Ван Шу и правда хороший человек, — прошептал Шигуй, задумчиво прижав лапку к подбородку и покачивая головой. Этот жест он подсмотрел в старых мультфильмах и долго репетировал перед зеркалом, пока не научился воспроизводить его своим неуклюжим тельцем. — Наш двуногий говорил, что у него до этого погибли одиннадцать собак. Я уж подумал, что этот парень — какой-то живодер, но погляди, как он с ней ласков. Наверное, ему просто не везло, и все прошлые овчарки были изначально слабы здоровьем.

— Может быть... Если так, то хорошо, — согласился Сяо Хуэй, испуганно косясь на парочку.

Но стоило Шигую облегченно выдохнуть, как ситуация на лужайке резко изменилась.

Ван Шу, продолжая мягко улыбаться, опустился на корточки. Вставив ключ в замок на ошейнике, он повернул его с негромким щелчком.

— Ну что, дружок, начнем, — пропел он ласковым голосом. — Будет больно. Пожалуйста, терпи, стиснув зубы. Если вздумаешь выть, мне придется тебя наказать. Мы ведь не хотим беспокоить нашего соседа, господина Вэя?

Не дожидаясь ответа, он мертвой хваткой вцепился в цепь и со всей силы рванул её на себя. Металл за долгие дни успел врасти в живое мясо, намертво слившись с развороченной плотью. Любой разумный человек понимал, что такое грубое насилие буквально сдерет кожу заживо.

Ван Шу понимал это лучше других. И именно поэтому дернул изо всех сил.

Звенья с влажным треском вырвались из раны, увлекая за собой ошметки темной, омертвевшей плоти. Брызнула густая кровь, алыми каплями окропив ярко-зеленый газон. Тяжелые сгустки придавили сочные травинки к земле. Ван Шу с размаху швырнул окровавленную цепь в сторону; в воздух взметнулась мелкая багровая взвесь, но пахла она не сырой землей, а живой, непереносимой болью.

Собака забилась в безмолвной судороге. Из ее горла вырвался лишь глухой, утробный хрип — он из последних сил сдерживал рвущийся наружу крик боли, боясь наказания больше, чем невыносимой муки. Овчарка крутилась на месте, царапая когтями землю.

Он пытался выкрутить шею, чтобылизать рану, заглушить этот адский огонь хоть каплей слюны, но собачья анатомия лишала его этой возможности. В конце концов обессиленная собака рухнула на бок, сжавшись в клубок и судорожно загребая лапами землю. Ему оставалось лишь ждать, пока схлынет первая, самая лютая волна боли.

А ее хозяин — этот благообразный, вежливый господин в очках — стоял рядом и заворуженно наблюдал. На его лице блуждала блаженная, сытая улыбка. Он упивался зрелищем, словно театрал в ложе, затаив дыхание перед самой драматичной сценой спектакля.

— Умничка, — ласково прошептал Ван Шу. — Отличная выдержка. Но теперь нам нужно обработать рану. Будет гораздо больнее, обещаю. Но ведь лучше потерпеть один раз, верно? Надеюсь, ты и сейчас меня не разочаруешь.

С этими словами садист натянул латексные перчатки и набросил на плечи белый медицинский халат, защищая свою одежду. Он нырнул тонкими пальцами в чемоданчик и извлек оттуда темный стеклянный флакон с неизвестным химикатом.

При виде этого флакона овчарка затрепетала от макушки до кончика хвоста. Страх оказался сильнее боли: собака попыталась подняться на ватных, разъезжающихся лапах и отползти назад. Ее когти судорожно забарабанили по траве, точно иглы швейной машинки.

Увиденное повергло Шигуя в шок. Дрожа от гнева и ужаса, он изо всех сил прижал лапки к мордочке, глуша рвущийся из груди писк. Сяо Хуэй и вовсе зажмурился, тщетно пытаясь спрятать свое крупное длинношерстное тело за крошечной спиной товарища. Зверек наивно верил: если закрыть глаза, кошмар исчезнет.

Между тем Ван Шу с бутылочкой в руке неторопливо надвигался на жертву.

— Ты что, вздумал бежать от меня? — укоризненно покачал головой мужчина. — Ты же знаешь, я терпеть не могу непослушных собак. А ты ведь у меня самый послушный, правда?

Превозмогая панику, собака издала жалобный стон. Огромным усилием воли она заставила свои дрожащие лапы повиноваться и покорно сделала несколько шагов навстречу мучителю, замерв перед ним. Вот только ее челюсти безостановочно колотились друг о друга, выдавая смертельный ужас.

Если бы у Чёрного Пса спросили, что на свете страшнее всего, он бы ответил без колебаний: испытывать смертельный ужас, но не иметь даже права попытаться спастись.

Обреченный пес зажмурился. Его чуткие уши мелко подрагивали в ожидании неизбежного.

— Хороший мальчик. За это я тебя и люблю, — донесся до него вкрадчивый голос.

Она невольно приподняла одно ухо, ловя похвалу, и в то же мгновение ледяная, обжигающая жидкость хлынула на его обнаженную шею, заливая открытую рану.

На этот раз сдержать крик было выше его сил. Собака взвыла от дикой, раздирающей боли. Едкий состав въедался в живое мясо, плавил нервные окончания, проникал до самых костей. Казалось, шею прижигают раскаленным добела железом. Извиваясь всем телом, он принялся бешено стряхивать с себя жидкость. Кровавые брызги полетели во все стороны, пачкая траву и халат Ван Шу. Но плотная ткань надежно защитила садиста.

— Ну надо же, какая бурная реакция сегодня, — недовольно поморщился Ван Шу. — Придется поработать над твоей дисциплиной. Пойду принесу другую мазь. А ты пока отдыхай, дружок.

Он брезгливо ткнулся пальцем в лоб тяжело дышащей собаки и, удовлетворенно улыбаясь, направился к дому.

Оставшись в одиночестве, овчарка каталась по траве, скуля и хрипя от боли. В этом жалком, истерзанном существе невозможно было узнать того грозного, статного защитника, которого Шигуй встретил сегодня утром.

Шигуй со всех лап рванулся к ней, позабыв об осторожности. Сяо Хуэй отстал в первые же секунды, не поспевая за стремительным товарищем.

— Я еще... еще тогда почувствовал ваш запах, — прохрипел пес, с трудом выдавливая слова сквозь судорожно сжатые челюсти. Каждое движение гортани отзывалось новой вспышкой боли.

— Уголёк... То есть, Чёрный Пёс... Ты как? — Шигуй во все глаза смотрел на огромного зверя. В его душе смешались жалость, гнев и недоумение. — Твой хозяин просто чудовище! Зачем ты терпишь это? Зачем защищала его?

— Хозяин просто... не в духе, — выдохнула собака. Кажется, адская боль в шее начала

понемногу стихать, сменяясь тупым нытьем.

— И когда же у него бывает хорошее настроение?! — едва сдерживая ярость, пискнул Шигуй.

— В ту ночь, когда он спас меня от смерти, — тихо отозвалась овчарка, и в его измученном голосе на миг промелькнула робкая, слепая нежность.

<http://bllate.org/book/18361/1779416>